

О.Шеллина

Принцип Новикова

Вот это я попал

Петр

О.Шеллина (shellina)

**Принцип Новикова.
Вот это я попал**

«Автор»

2026

О.Шеллина (shellina)

Принцип Новикова. Вот это я попал / О.Шеллина (shellina) —
«Автор», 2026 — (Петр)

Очередная история попаданца в прошлое. Вот только этот попаданец знает, что, согласно принципу самосогласованности Новикова, изменить историю нельзя. Но что же в этом случае делать, если жить ему осталось всего год, потому что через год малолетний царь, в чье тело его забросило, должен умереть. Историю нельзя изменить, она учитывает то, что ты в нее попал, или все-таки можно? Но даже если нельзя, это не значит, что герой не будет пытаться это сделать, ведь задача перед ним стоит вроде бы простая: не спасать мир и не заниматься новаторствами, а всего лишь через год остаться в живых.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

О.Шеллина (shellina)

Принцип Новикова. Вот это я попал

Пролог

Взвывшая сигналка заставила заскрипеть зубами и убрать щуп, с помощью которого я считывал данные с объекта. Правила безопасности в этой лаборатории были просто драконовскими, поэтому, чтобы не быть высвистнутым с работы, от которой я нахожусь в постоянном экстазе, приходилось этим правилам подчиняться беспрекословно. Наличие же камер исключало различного рода хитрости со стороны персонала.

Аккуратно положив щуп в специальную выдвижную емкость с дезинфицирующим раствором, я вышел из камеры и попал в шлюз, где на меня обрушились мощные струи воды, пены и сбивающие с ног потоки воздуха. После обработки я смог выйти в «грязную раздевалку», где стянул защитный костюм и засунул его в бак. Кто убирал костюмы из бака и затем подвергал их глубокой обработке, меня волновало мало, главное, что кто-то этим занимался.

Оставшись абсолютно голым, прошел в душевую, где тщательно вымылся, затем через комнату с УФО-облучателями, в которой меня высушили все те же потоки стерильного воздуха, вышел в уже обычную раздевалку и быстро оделся в свою одежду.

Я уже завязывал кроссовки, когда дверь в раздевалку открылась и в нее зашла представительная делегация во главе с ректором нашего засекреченного института, работающего на благо отечественного обороностроительного комплекса. В толпе замелькали погоны с маленькими звездами, но в большом количестве, и большие звезды, от блеска которых можно было ослепнуть, а среди них скромно белели несколько лабораторных халатов.

— Василий Эдуардович, что случилось? — я вскочил с лавки, на которой сидел, плюнув на недозавязанный кроссовок, благодаря всех богов, что одевался быстрее, чем они шли, потому что предстать перед комиссией, а то, что эти звездные генералы могли быть только проверяющей комиссией — это ежу понятно, в чем мать родила — удовольствие так себе, ниже среднего. — Тревога...

— Это была учебная тревога, Романов, — ректор тяжело вздохнул. — Чтобы показать генералу Курову, что ученые тоже могут быть дисциплинированными и ответственными.

Захотелось грязно выругаться. Они вообще представляют себе, насколько сложно хотя бы подойти к объекту? Не говоря уже про то, что все эти бесконечные раздевания-одевания и помывки скоро приведут к тому, что у меня все волосы вылезут, везде. А ведь мне еще тридцати нет. А еще обиднее из-за того, что именно сегодня объект не проявлял вообще никаких волнений, спокойно давал себя исследовать... Так, Романов, спокойно, вдох-выдох. Надо терпеть. Как говорится, диссертация требует жертв. Остается только надеяться, что не с моей стороны.

— И что же исследует этот ваш Романов, что требует такой секретности? — генерал Куров повернулся к Резнику, напрочь игнорируя меня, словно меня здесь вообще нет, и они говорят о каком-то другом Романове. Ненавижу вояк, особенно таких вот, как этот — заик-ленных на уставах и приказах. И вот как ему объяснить, чем же здесь занимается Романов, чтобы он мозг себе не свернул? Резник тем временем вздохнул.

— Мы не знаем, что это за вещество, — он поморщился, увидев презрительный взгляд генерала и недоуменное ворчание его свиты. — Это нечто совершенно новое и еще не изученное... это материя, первоначальные данные, снятые с которой, напоминали по свойствам анти-

материю, но потом они изменились на совершенно противоположные и начали напоминать свойства экзотической материи, и это... это нечто удивительное...

— И что она делает, эта ваша антиматерия?

— Это очень сложно объяснить...

— А вы постарайтесь, — Куров прищурился. — Потому что, если я не пойму ее ценности, я буду ходатайствовать перед самым о снижении или даже полном прекращении финансирования данного объекта. В него и так уже миллиарды денег влили, а результатов до сих пор никаких.

— А что, на новую дачу не хватает? — мне показалось, что я проговорил это мысленно, про себя, вот только злобный взгляд генерала, брошенный в мою сторону, убедил меня, что я лох, потому что произнес эту фразу хоть и очень тихо, но вслух.

— Вот этот слишком умный Романов сейчас мне всё объяснит, а уж потом мы с ним мои дачи обсудим.

Я умоляюще посмотрел на Резника, но тот только плечами слегка передернул, мол, сам виноват, теперь выкручивайся.

— Единственное, что нам удалось выяснить — объект земного происхождения, и это наиболее удивительная новость из всех, которые нам удалось с него считать. Чисто теоретически, с помощью объекта мы сможем стабилизировать пространственно-временные червоточины, то есть сделать более стабильным мост Эйнштейна-Розена, и тогда появится шанс..., — начал выкручиваться я, но увидел полное непонимание на лицах проверяющих, на Курова я не смотрел, чтобы не сделать еще какую-нибудь глупость. — Эм, в общем, смотрите, — я схватил свой ежедневник и вырвал из него лист, который скрутил в трубку и быстро застеплерил, чтобы концы не расходились. — Представим, что вот это наша вселенная на протяжении всей ее истории. Если так случится, что появятся два каких-нибудь объекта, астрофизики называют их «рты», которые начнут давить на пространство одновременно с двух сторон, то в итоге эти стороны сблизятся друг с другом критически близко. Настолько близко, что может произойти прокол, — я сжал бумагу, показывая, насколько смогут приблизиться две точки вселенной, а затем ударил в место этого прокола ручкой. — Вот это и есть червоточина. Видите, мы можем через этот прокол попасть к тому краю практически мгновенно. Вот только они нестабильны и практически мгновенно разрушаются. Но Эйнштейн предположил, что существует некая «экзотическая материя», которая может сделать червоточину более стабильной...

— Я знаю эту теорию, — Куров ощерился. — Не считайте, что к вам прислали идиота в погонах. Вы думаете, что нашли «экзотическую материю»?

— Мы не знаем. Василий Эдуардович же только что вам это сказал, — я бросил бумагу на скамью. — Объект нестабилен. Он постоянно меняется. То он показывает все свойства вещества, то антивещества, то вообще не пойми чего. У меня иногда возникает ощущение, что он может быть одновременно и «ртами», и стабилизатором моста.

— Разве такое возможно даже чисто теоретически? — Куров задумчиво провел пальцем по губам.

— В том-то и дело, что нет, — я развел руками.

— И вы считаете, что, изучив этот объект, мы сможем путешествовать во времени?

— Ну, почему бы и нет? Только зачем?

— Чтобы изменить историю, например, — генерал криво усмехнулся.

— Я считаю, что историю невозможно изменить, — твердо ответил я.

— А как же «эффект бабочки»? — в голосе Курова появилось ехидство.

— А как же принцип самосогласованности Новикова? — мы смотрели друг другу в глаза, словно больше здесь, в этой раздевалке, никого кроме нас не было.

— Простите, а что это за принцип Новикова? — в наш диалог умудрилась влезть какая-то дамочка в военной форме.

— Если совсем кратко, то при перемещении в прошлое вероятность действия, изменяющего уже случившееся с путешественником событие, будет близка к нулю. То есть что бы ты ни делал, как бы ни старался изменить прошлое, а соответственно настоящее, ты не сможешь этого сделать, потому что все твои действия уже учтены историей. Также считается, что путешественник во времени не может изменить прошлое, потому что для него оно уже произошло. Но, чисто теоретически, это могут сделать аборигены, если их правильно настроить и мотивировать, ведь для них будущее еще не настало, — Куров уже откровенно усмехался. Да кто ты такой, мать твою? Ты не простой вояка, это ежу понятно. Так чётко изложить одну из сложнейших теорий — это нужно постараться. У меня бы так не получилось. Я, кажется, ему завидую.

— А вы сами как считаете? — внезапно спросил я генерала.

— Я считаю, что прошлое возможно изменить, вот только оно в этот момент перестанет быть нашим прошлым и станет прошлым в параллельной вселенной. И да, я верю в теорию мультиверсума, если вы об этом. Но мы же рассматриваем лишь теоретические вероятности, не так ли? — мы все синхронно, как болванчики, закивали головами. — Хорошо. Я хочу видеть объект.

— Это невозможно, — осторожно высказался Резник. — Объект слишком нестабилен, и к нему нежелательно подходить никому, кроме нескольких ученых, с кем он уже, как бы, «знаком».

— Я не собираюсь к нему подходить, — Куров даже поморщился. — Я хочу понаблюдать за тем, как это делает, ну, например, Романов. Это возможно?

— Да, в принципе, да, — Резник посмотрел на меня умоляюще. Я же вздрогнул от нехорошего предчувствия. Объект не любит, когда к нему бегают туда-сюда, я не хочу рисковать. Но взгляд ректора обещал мне блаженство, если я сейчас снова надену костюм и постою рядом с объектом. Кивнув, я стянул с ноги так и не завязанный кроссовок, и забросил его в свой шкафчик. Ректор тут же начал махать руками. — Прошу, пройдите за мной в зону наблюдения, не будем мешать Петру Алексеевичу облачаться в защитный костюм.

Войти к объекту было гораздо проще, чем уйти от него. Зайдя в камеру, я встал у стены, даже не делая попыток приблизиться к начавшему разворачивать свои щупальца-протуберанцы объекту, внешне напоминающему небольшое солнце, только не настолько горячее и яркое.

— Каково его происхождение? — я услышал голос Курова через канал включенной внутренней связи.

— Я же уже сказал, мы не знаем точно. Только то, что в его составе нет ни единого элемента неземного происхождения. Исходя из этого, мы сделали вывод, что он всё-таки с Земли, но откуда именно... Однажды он внезапно появился посреди камеры. Просто появился без малейших посторонних действий с нашей стороны. У нас очень много теорий... — в этот момент в камере начало происходить нечто странное. Объект немного увеличился в объеме, а затем принялся стремительно сужаться прямо посередине, словно намереваясь разделиться пополам.

— О, Боже... — в голосе генерала появилась такая гамма различных чувств, что я даже не сумел выявить основную.

— Это одна из теорий, — Резник, похоже, не замечал, что творится в камере. — Какого черта происходит?! — о, а теперь заметил. — Романов! Петя! Выходи оттуда! — да я и сам вижу, что пора сваливать. В громоздком костюме двигаться было очень неудобно, но я старался изо всех сил пошевеливаться. Как только я начал движение, объект принялся стремиться к разделению гораздо быстрее. Меня охватила паника. Я, что было сил, поспешил к выходу из камеры, и когда уже практически достиг его, огромный красно-черный шар, который и был объектом, с негромким хлопком разделился надвое. От обеих половинок в разные стороны пошли флуктуации, видимые невооруженным взглядом, которые накрыли меня, отшвырнув к

стене со страшной силой. Это последнее, что я видел, а пронзившая спину боль была последним, что я почувствовал.

Искореженное тело в порванном защитном костюме, бывшее совсем недавно подающим большие надежды ученым — физиком Романовым Петром Алексеевичем, бережно вынесли из камеры двое людей, облаченных в защитную одежду. Объект, который после гибели исследователя снова соединился в единое целое, неподвижно висел в стороне и не демонстрировал ни малейшей активности, но выносящие тело всё равно с опаской посматривали в его сторону, стремясь как можно быстрее уйти из камеры.

— Мне жаль вашего человека, — генерал Куров смотрел на потерянного ректора института Резника без малейшего сочувствия, — но работы с объектом должны быть продолжены. Я сообщу, что это направление весьма перспективно.

— Но... Петя...

— Это всего лишь побочные потери, Резник. Такое иногда случается, — резко оборвал его генерал. — Возьмите себя в руки и продолжайте исследования.

— Конечно, мы не бросим заниматься объектом, — Резник тряхнул головой. — Романов не первый учёный, погибший во имя науки, и далеко не последний.

— Ну вот и отлично, я рад, что мы поняли друг друга, — Куров потрепал ректора по плечу и поспешил уйти из института, чтобы сообщить о результатах проверки.

Глава 1

Тяжёлый, удушающий запах ладана затуманивал мозг, раздающийся со всех сторон шёпот напоминал гул прибой и вызывал неосознанную панику, а раздавшееся совсем рядом: «Миром Господу помоли-и-мся», — пропевшееся раскатистым сочным басом чуть не довело до кондрашки, заставив содрогнуться всем телом.

Что происходит? Что, вашу мать, происходит? Я только что пытался убежать от проявившего непонятную активность объекта, а сейчас стою... где, черт подери, я стою?! На руку капнуло что-то обжигающее. Опустив глаза, увидел, что держу в руке восковую свечу, и расплавленный воск капает мне на пальцы, обжигая, но, как ни странно, приводя в чувства.

«Упокой, Господи Бóже наш, в вёре и надежди живота вёчнаго престáвлевшуюся рабу Твою, сестру нашу Наталию...», — в груди все сжалось, а горло перехватило готовое вырваться наружу рыдание. Наташа, Наташенька, сестренка, как же так? За что ты забрал эту душу безгрешную?

Стоп. Какая Наташа? У меня нет сестры Наташи. У меня вообще нет родственников, я сирота с позапрошлого года, когда мои родители погибли в автокатастрофе. Что происхо...

— Государь, пора прощаться, — я резко обернулся и уставился на шепчущего мне в ухо парня... мужчину... я не могу понять, какой у него возраст, потому что его рожа посыпана какой-то пудрой, а на башке нелепый парик с буклями...

Что?! Какой парик с буклями?! Мой взгляд опустился ниже: длинный камзол, белые чулки, панталоны чуть ниже колен с бантами, на ногах туфли тоже с бантами... Меня объект зашвырнул на какую-то реставрацию? В музей? В мой персональный Ад, где главным чертом моя историчка подвизалась, потому что я, как и все уважающие себя физики-математики, гордо игнорировал гуманитарные науки, кроме, разумеется, иностранных языков, которых я теперь знаю аж целых три, и без знания которых хрен бы мне по всей морде, а не аспирантура. И я почти не учил историю, полагая, что нам преподают лажу, и что история — это псевдонаука, которую всегда пишут победители, причём так, как им это вздумается? Конечно, я утрирую, и историю всё-таки учил, но так, спустя рукава на зачёт, опять-таки ради аспирантуры. Наука требует жертв, что ни говори.

— Государь, пора попрощаться. Сейчас вынос тела...

Иван Долгорукий, внезапно пронеслось в мозгу молнией. Друг сердечный Ванька, товарищ по всем проказам, как в детстве, так и в отрочестве...

Я попятился и налетел спиной на попа в ризе, стоящего так близко ко мне... А почему поп стоит так близко? Разве так можно? Они же вроде дистанцируются от прихожан, или нет? Я не знаю, я не так чтобы часто церковь посещал, точнее, никогда. Поп тем временем так интенсивно размахивал кадилом, что с него искры летели в разные стороны. А еще он совершенно не ожидал такого вероломного нападения сзади. Развернувшись, чтобы посмотреть на нечестивца, который позволил себе вытворять подобное, он в этот же момент в очередной раз размахнулся кадилом...

Блямс! Тяжеленная штукавина эти их кадила, я вам скажу, как только в себя приду. Сведя глаза к переносице, я начал оседать на пол.

— Государю плохо! — раздалось со всех сторон. — Медикуса сюда, живо!

— Государь умирает!

— Ой, люди добрые, что же это творится-от? Не успела Наташенька свет Алексевна представить, так и Государь наш Пётр Алексеич за сестрёнкой своей...

Сознания я не потерял, но осознавал, как меня куда-то волокут, так, будто видел сон, словно со стороны, вот только себя я в этом сне не видел, только ряженных в нелепых париках.

В лицо ударил холодный воздух, немного приведший меня в чувства. Резануло по глазам ярким светом, особенно ярким после полутемного помещения собора, который тут же выдавил жгучие слезы, застилающие глаза, и заставил зажмуриться. Поэтому я не видел ни куда меня везли, ни на чем.

Всё происходило на уровне чувств. Меня бережно подняли, уложили на что-то мягкое и закутали в одеяло, или какой-то его аналог. Судя по ощущениям, это был не автомобиль, не было ощущения замкнутого пространства и резких, присущих даже самым дорогим авто запахов.

Та штуковина, на которую меня уложили, резко дернулась и покатилась, а конное ржание и немного неровный ход, рывками, не давали простора воображению, оставляя всего одну версию: то, на чем меня везли, тащила за собой лошадь.

Очень скоро мы остановились: и лошадь, и то, на чём меня везли, ну пусть будут сани, все-таки снег, мороз, холодящий не укутанные щеки и нос, явно это зима, и, соответственно, я сам — остановились. Меня снова схватили несколько рук и снова куда-то потащили. И хотя я пришел в себя уже окончательно, только лоб сильно болел, куда меня поп благословил, но открывать глаза боялся, поэтому всю дорогу изображал из себя труп.

Пока меня тащили, создавая при этом определенную суматоху, я пытался прислушаться, чтобы понять глубину собственного бреда, но всё в чём я преуспел, это понимание, что я Государь, и, похоже, умираю, а ведь буквально только что Господь забрал у них у всех Наталию Алексеевну, и что же теперь им всем делать горемычным?

Распахнулись очередные двери, меня весьма аккуратно, надо заметить, водрузили на нечто мягкое, как я понимаю, это кровать, при этом даже не стащив с ног обувь, и опять начали голосить что-то про лекаря или медикуса, я так и не понял, чем они отличаются друг от друга.

Какого нахрен лекаря? Я не позволю себя иголками тыкать, им только дай волю, сразу же поллитра крови сцедят и другие физиологические жидкости выдавят.

Чтобы прекратить это безобразие, я решил приоткрыть один глаз. И сразу же наткнулся взглядом на сидящего на моей кровати Ивана Долгорукова. Это что, шутка юмора такая? Я же вроде Государь, тогда почему он сидит в моём присутствии, да ещё и на моей кровати?! Или я Государь, хм, весьма специфических нравов, настолько специфических, что мой явный фаворит может себе и не такое позволить? Нет-нет-нет, только не это. Я нормально отношусь к чужим извращениям, но ровно до того момента, пока они не коснутся непосредственно меня самого. Так что, а не пойти ли тебе, Ваня, погулять?

— Не надо лекаря, и медикуса тоже не надо. Я хочу побыть один, — а голос-то у меня как ослаб и какой-то высоковатый стал. Это, наверное, от волнений и неприятностей с объектом он у меня на две октавы повысился.

— Но, государь, Петр Алексеевич... — начал было Долгорукий, но тут уж я не выдержал. Мне крайне важно понять, что происходит, а для этого мне нужно остаться одному.

— Все вон! Оставьте меня! — я вскочил на колени и указал рукой, я надеюсь, что в том направлении была все-таки дверь. — Я хочу побыть один. Мне нужно... — я лихорадочно соображал, что же мне нужно такого, что заставит их убраться, потому что, что бы не думали о разных Государях, всей полноты власти и влияния даже вот на такие моменты у них не было.

Как там в популярной когда-то песенке пелось: «Все могут короли... но жениться по любви не может ни один король». Хоть и не все. Пётр, который первый смог, Луи, который четырнадцатый, тоже смог: да уже в конце жизни и тайно, но смог же! Что-то меня куда-то не туда понесло, но это понятно, стресс и все такое... Что же, что же... о, придумал.

— Мне необходимо помолиться за душу Наташеньки, вымолить у неё прощение, — не знаю, насколько я донимал сестру, но прощение всегда есть за что просить, у любого члена семьи.

Я не смотрел на тех, кто находится в комнате, столпившись вокруг кровати, отметил только, что одеты они примерно, как Долгорукий. Отличия были незначительные, и касались прежде всего париков. Краем глаза уловил, что они молча уходят, а кто-то начал креститься и что-то бормотать себе под нос, вероятно, молитву, но иногда до меня доносилось что-то про «дедову кровь». Не слишком понятно, но это сейчас не главное, потом разберусь.

Я же продолжал смотреть на Ивана. Тот в свою очередь задумчиво смотрел на меня, словно стружку снимал. Очень расчётливый взгляд. Не хочется ему оставлять меня одного в такой момент, ой как не хочется. А с другой стороны, не оставить тоже не может, не поймут-с.

Наконец он принял решение. Тяжело вздохнув, Иван Долгорукий поднялся с кровати и, прежде чем уйти, очень чётко проговорил.

— Ежили что, я буду тут за дверью. Зови при любой надобности, Пётр Алексеевич, — поклонившись, он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я некоторое время смотрел в ту сторону, куда он ушёл, а затем соскочил с постели и принялся метаться по комнате в поисках зеркала: что-то мне подсказывало, что никакая это не реставрация, и что я выгляжу немного не так, каким привык видеть себя в зеркале за последние двадцать шесть лет. Это было невероятно, но слишком уж правдоподобно выглядел Иван Долгорукий, чтобы сойти за реконструктора, так же, как и все остальные.

Зеркало нашлось в обширной гардеробной, где вдоль стены висели километры различных камзолов, мундиров, сорочек, панталон, чулок и прочего весьма необходимого каждому уважающему себя мужчине добра. Отдельно стояли разнокалиберные туфли, многие из которых были инкрустированы драгоценными камнями или весьма удачной имитацией, с обязательными бантами и пряжками, и все на каблуках, иногда весьма высоких. Хорошо, что не шпильки, и то радость.

Также в ряд выстроились сапоги типа ботфорты, все вычищенные так, что в отсутствие зеркала вполне можно в них посмотреться. Ну и различные шляпы, куда же без них.

Зеркало было огромное, во весь рост, в резной раме, завешанное белой тряпкой. «Ну конечно же, траур, такое дело, но, надеюсь, Наташенька простит своего непутевого брата», — так думал я, рывком срывая тряпку, закрывающую зеркальную поверхность.

На меня смотрел подросток лет тринадцати-пятнадцати. Высокий и нескладный, как и все подростки этого возраста, но уже с намётками на хорошую фигуру. В нелепом парике. Я стянул парик и подошел к зеркалу поближе. Темно-карие глаза, высокий лоб под длинными темно-русыми волосами, длинный нос, чуть заострённый подбородок — это лицо к тому времени, как парень достигнет зрелости, ещё несколько раз может поменяться. Но не урод, однозначно. Почему я думал, что старше? Ну, конечно, я старше, мне двадцать шесть лет... Нет, мне тринадцать... И я...

Я схватился за голову, которую словно на живую начали рвать на части. Кто я?! Я — Романов Пётр Алексеевич. С этим согласились оба моих альтер эго. Виски снова прострелила боль, и я, задыхаясь, упал на пол, между туфлями и ботфортами, сжимаясь в комок и с трудом сдерживая рыдания.

Боль отступила внезапно, так же, как и пришла, но я все еще лежал на полу и боялся пошевелиться. Боялся, что она вернется, заставляя корчиться на полу, не в состоянии даже позвать на помощь. Наконец, перевернувшись на спину, я начал рассуждать более рационально. Точнее, словно на мгновение раздвоившееся сознание стало единым — это хорошо, значит, это не шиза. Одновременно с этим пришло полное понимание того, что произошло и что со мной сотворил грёбаный объект. Итак, я Романов Пётр Алексеевич, двадцати шести лет отроду, попал в Романова Петра Алексеевича, тринадцати лет отроду. Я помню некоторые вещи, которые знал он, но это больше похоже на последствие, остаточное затухающее эхо совсем недавно функционирующих электрических потенциалов, так что долго надеяться

на эту память не следует. Нужно, пока это возможно, «вспомнить» как можно больше, чтобы избежать ненужных вопросов.

Шокирован ли я? Признаться, очень. Но мы так часто рассуждали на эту тему, так часто строили предположения, что это возможно или будет возможно, как только объект раскроет перед нами хотя бы частичку своих тайн, что я уже даже представлял себя не раз в подобном положении. Ведь во время экспериментов могло произойти всякое, что, собственно, и произошло. А так как я был ведущим специалистом, исследующим объект, то в очереди на его воздействие, каким бы оно в итоге ни оказалось, стоял под номером один. Что опять-таки и случилось.

Конечно, я не думал о плохом, работа меня захватила с головой, но исключать все возможности я, естественно, не мог. Так что не могу сказать, будто такое положение дел убило меня наповал, нет. Вот только, судя по всему, по червоточине перенеслось только моё сознание в виде, ну не знаю, электромагнитного импульса - я не изучал подобных перспектив, - который, попав в моего полного тезку как самого близкого по определённым параметрам донора, напрочь выжег этого самого тезку из реальности, оставив лишь быстро затухающее эхо от его пребывания в этом теле.

А что в таком случае произошло с моим телом? Не знаю и на данном этапе знать не хочу. Это не критичная величина, во всяком случае пока. Я же не могу быстренько изобрести и каким-то образом сотворить объект, который бы перенёс меня обратно. Так что пути назад для меня нет, даже чисто теоретически. Печально, но ничего не поделаешь.

И что же мне делать? А что я могу сделать? Только жить. Потому что существует принцип самосогласованности Новикова, который невозможно не учитывать, особенно в моей ситуации.

Я поднялся с пола и ещё раз посмотрел на себя в зеркале. Ну что, пацан, будем эпатировать публику, отказавшись носить эти блохогенераторы? Я повертел в руке парик. Будем, но не сейчас. Сейчас мне главное понять, кто я такой, чтобы хотя бы примерно представлять, что ждёт меня в этом новом для меня будущем.

Как бы плохо я ни знал историю, знал я её достаточно для того, чтобы точно сказать: Романовых Петров Алексеевичей на престоле Российской империи было двое, и у каждого из них была сестра Наталия. Я бы расхохотался, не будь всё так непросто на самом деле.

Итак, первый Пётр Алексеевич не подходит, потому что в столь юном возрасте не носил париков, и не слишком любил Долгоруких, которые были всю жизнь в контрах с его дружкой сердешным Александром Данилычем, а Иван, великовозрастный друган этого Петра, как раз Долгорукий и есть. Самый что ни на есть князь, надо же.

Значит, остается только внук первого Петра, Пётр Второй Алексеевич. Что я о нём помню? Да ни хрена я о нём не помню, потому что подросток на престоле — это всегда мощно. Балы, охота, бабы, кони... Что там ещё? Помню, читал забавную книжечку про то, что это самый Петручио, в тело которого вбило мои электроны, в свои неполные пятнадцать успел попробовать всё, что может предоставить жизнь: вино рекой, неразборчивые связи, травка... нет, последнее не из этой оперы, но трубку он курил, как паровоз. Он, кажется, даже в собственную тетку был влюблён со всем пылом своих пубертатных, наполненных гормонами годов. Интересно, а там что-то было? Нет, не помню.

Что ещё? Ещё был Верховный Тайный Совет, всё те же Долгорукие и сгноение Меншикова в Сибири. Вот вроде бы и всё. Ах да, это самый Пётр Второй совсем ненадолго пережил свою сестру Наталью, которую сегодня хоронили. Он, то есть я, умрёт через год от оспы, если я ничего не предприму. А что бы я ни предпринял, это уже учтено историей! Принцип самосогласованности Новикова, чтоб его! Значит, мне остался год, всего год!

Тут я не выдержал и всё же расхохотался. Я хохотал и хохотал, пока не понял, что рыдаю навзрыд, уткнувшись в подушку, на которую упал, даже не осознавая, что же делаю. Это просто

истерика, обычная банальная истерика, которая скоро должна пройти. Наверное. Я, во всяком случае, на это очень сильно надеюсь.

Но истерика не проходила, и рыдания продолжались перемежаться с хохотом. От бессилия я бил кулаком подушку и пытался понять, что же мне сделать, чтобы изменить историю хотя бы в самой малости — не сдохнуть через год от чёрной оспы! Прививки ещё не придумали, и эта зараза выкашивала население, собирая очень большие жатвы. А ещё, как показала практика, она не щадила никого — вон целый император от неё скоро окочурится. Когда там Дженнер свои исследования опубликует? Слишком поздно для меня он их опубликует!

Что же делать? Что мне делать?! Почему именно со мной сработал объект? Я не просил об этом и не хотел, я не хотел! Почему именно сюда и именно в этого мальчишку, которому жить осталось всего год?

Постепенно рыдания начали стихать, пока не перешли во всхлипывания. Ну ничего, я же ещё жив? Значит, поборемся.

Найдя за занавеской таз и стоящий тут же кувшин с водой, я умылся, отыскал в секретере писчие принадлежности и принялся тщательно вспоминать, что же случится за следующий год и на что я смогу повлиять, чтобы сломить этот чёртов принцип. Может быть, если мне удастся сделать это раньше, то история, дойдя до развилки, свернёт в другую сторону? Да, появится альтернативная версия развития этого мира, потому что в моей истории Пётр Второй умрёт в январе 1730 года, и этого не изменить. Ну и что? Меня это вообще должно волновать? Я жить хочу, между прочим! А жить и здесь можно, и к ночным вазам привыкну, не к такому привыкал.

Итак, 1729 год. Чем он примечателен? Да ничем он не примечателен. Вообще инертный год. Из того, что помню: Меншиков умрёт, ну и хрен с ним. Пётр зарубит идею о строительстве кораблей и модернизации армии — вот это можно попробовать остановить. Такие дела за один год не делаются, хотя попробовать можно. Так, пункт номер раз: я поставил на бумаге единицу и кляксу вместо точки.

Выругавшись, достал новый лист, потому что пятно уже заняло почти половину листа. На новом листе единицу выводил тщательно и аккуратно. Затем написал «армия», а за цифрой два шло слово «флот».

Но на любые подобные начинания нужны деньги, значит, под цифрой три — бюджет.

Так, что ещё? А ещё была помолвка с Екатериной Долгорукой. Вот этот финт точно нужно остановить. И под цифрой четыре появилось имя княжны. Я помню об этом потому что княжна каких-то пары дней не дождалась, чтобы стать императрицей. Об этом я тоже когда-то читал.

На этом мои знания того, что будет происходит в пресловутый год, иссякли. Ещё раз посмотрев на список, я скатал его в трубочку и сунул в секретер. Ладно, с чего-то нужно же начинать, верно?

Дверь отворилась, и без стука вошел Иван Долгорукий.

— Государь, я хотел бы предложить вам посетить...

— Нет, — я покачал головой. Мне нужно время, чтобы освоиться. Подучить язык со всеми его старинными наворотами, покопаться в библиотеке. — Я объявляю траур по Наташеньке и собираюсь провести его в молитвах и покаяниях.

— Но...

— Никаких «но», Ваня. Или ты хочешь оскорбить память великой княжны? — я, прищурившись, посмотрел на него. Это был вопрос-ловушка, один из тех, на который невозможно ответить отрицательно. И Иван ответил именно так, как и требовалось отвечать:

— Ты прав, Пётр Алексеевич, это я, дурень, только о твоём спокойствии удумал, а об упокоении души Наталии Алексеевны и позабыл, — он наклонил голову, показывая, как сильно раскаивается. — Хоть ближников своих прими, которые за тебя радеют и денно, и ночью.

— И кто же так сильно радеет, что рискует нарушить прямое царское указание? — говорить было трудно. Я понимал, что не попадаю ни в ритмику плавной тягучей речи, постоянно пытаюсь вставить современные мне словечки. Поэтому приходилось за каждым словом следить, чтобы не сболтнуть лишнего.

— Елизавета Петровна из церкви прилетела голубка, только увидела, как тебя сморило прямо перед гробом Наталии Алексеевны. Едва дождалась, когда служба закончится, чтобы о здоровье твоём всё разузнать.

— Ну раз прилетела, то пушай войдёт, — дверь закрылась, и дальше я действовал скорее по наитию: сбросил сапоги, камзол прямо на пол, нырнул под одеяло, и картинно приложил к голове руку.

Елизавета вошла стремительно, словно и правда летела, ловко поворачиваясь боком, чтобы не зацепиться фижмами своей пышной юбки за дверной косяк. И хоть платье её было чёрного цвета, обильно украшенное жемчугом, то вот кружевной платок лежал у неё на плечах, а не покрывал голову, как это было положено в дни глубокого траура.

Была ли она так красива, как её описывали в своих мемуарах современники? Скорее всего, да. Но эта красота была другой, не той, к которой я привык, и потому несколько чуждая для меня. И уж тем более, я не хотел её, как, возможно, хотел Пётр. Я ведь специально её допустил к себе, чтобы проверить реакцию собственного тела на присутствие женщины, будоражащей воображение Петра по всем когда-либо попадавшимся мне на глаза источникам.

Тем временем Елизавета подошла к кровати и села на её край. Я невольно нахмурился: что за привычка садиться ко мне на постель? Неужели Пётр это допускал и поощрял?

— Петрушенька, как же так, что за хворь на тебя напала? — она протянула руку в кружевной перчатке и дотронулась до моего лба. При этом наклонилась так, чтобы её весьма обширное декольте оказалось едва ли не у меня перед носом. Хм, а ничего так, я скосил глаза куда надо, и Елизавета, оставшись довольной моей реакцией, выпрямилась. — Я немедленно прикажу доставить сюда Лестока. Нельзя так не жалеючи относиться к себе, — она покачала головой. — Ты ведь перед всей Отчизной в ответе, не приведи Господи осиротеет она без тебя.

Ну да, ну да, конечно, я верю, только лапшу с ушей сниму, но вслух прошептал:

— Да, Лизонька, только ты меня понимаешь. Не нужно медиков, это я от волнения сильного духа лишился, но мне уже лучше. Но не покидает ощущение, что Наташенька смотрит на меня с небес и только головой качает о том, что стыдно ей перед ангелами за Петрушку, брата своего беспутного. Вот думаю, что в уединении и в молитвах покаяние вымолить, а там, может, и сжалится сестрёнка надо мною, подскажет, как дальше жить мне теперь.

— Ты на богомолье что ли собрался? По святым местам? Зимой? — Лиза впервые выглядела искренней.

Как не хотелось ей корону Российской империи на себя примерить, а понимала она, что пока ей выгодно, чтобы обожающий её Пётр жив был и относительно здоров, потому что после его смерти никто не знает, как может повернуться судьба, в какую сторону. Верховный Тайный Совет имеет реальную власть, и за неё в нём только, пожалуй, Голицын. Остальные на себя начнут одеяло тянуть, что и закончится воцарением Анны Иоанновны. Задумавшаяся на мгновение Елизавета тем временем продолжила:

— Нет, ты как хочешь, Петруша, но я пришлю Лестока попользовать тебя. Чтобы, ни приведи Господи, какую-нибудь тайную болезнь не пропустить. А то, как ты в церкви упал, живо мне батюшку напомнило. Ты весьма с ним схож, вон, даже иноземные послы об этом талдычат. Может, и хворь его тебе передалась.

А, точно, вроде бы, согласно некоторым источникам, Пётр Первый страдал эпилепсией, или падучей, как её тогда называли. Вполне возможно, что болезнь перешла на его внука. Такие случаи хорошо известны. Ну Лесток, так Лесток. Надо же посмотреть на нежного друга Лизки, который довольно долго фактически правил через постель, если верить злым языкам.

— Хорошо, Лизонька, только ты и печёшься о моём здоровье, — я отнял руку ото лба. — Извини, родная, но устал я. Поди, позови Лестока, а то мне и впрямь нездоровится.

Если она и хотела посидеть с больным императором подольше, то ни по её поспешному уходу, ни по выражению лица заметно этого не было. Ясно, моя болезнь — это повод для многих засвидетельствовать своё почтение и что-нибудь проверить походя, не без этого. Но император я или не император? Хватит на сегодня посетителей.

— Иван! — заорал я, не найдя на прикроватном столике пресловутого колокольчика, в который необходимо было звонить, чтобы хоть кто-то потрудились выяснить, что же надобно государю-императору. Дверь тут же распахнулась, и в комнату влетел Долгорукий. — Ну наконец-то. Я уже думал, что могу и помереть, вот так всеми брошенный, и найдут моё тело остывшее, только когда вонять начнёт.

Долгорукий побагровел от несправедливого упрёка, но сдержался и ничего не ответил. Похоже, вспылчивому Ваньке хвоста родитель успел накрутить. Раз удалил из спальни, когда плохо себя чувствовал, значит, недоволен, а так и до опалы недалеко. Вот и сидит возле дверей, спальню караулит, вместо того, чтобы гулять и развлекаться, как привык.

— Я чем-то прогневал тебя, Пётр Алексеевич? — ого, а обида в голосе всё равно нешуточная звучит. Но ничего, тебе полезно понервничать.

Я внимательно посмотрел на него. Надо же, а ведь видно, что действительно переживает за своего малолетнего патрона. Один, наверное, кто искренне беспокоится. Ну тут тоже всё понятно, Долгорукие без Петра — вообще никто, пережуют их и не поморщатся, есть за что переживать-то.

— Извини, Ваня, что сорвался на тебя, — я покачал головой. — Только нехорошо мне действительно. Может, Лиза права, и хворь дедова мне перешла?

— Да что ты такое говоришь, Пётр Алексеевич? Пошто на себя наговариваешь?

— Вот поэтому и прошу, Ваня, надёжного человека у дверей поставить, и никого без моего на то указа не пущать. Только Лестока пропустить, его ко мне Лиза должна пригнать. Пусть медикус меня попользует, — я запнулся на этом слове, которое в моё время приобрело не совсем приличное значение, но затем решительно добавил: — И ещё, Ваня, тебе самому незачем здесь дневать и ночевать. Ежели понадобится, я пошлю за тобой.

Долгорукий снова пристально посмотрел на меня. Сейчас было отчётливо видно, что и остаться ему вроде бы надобно, и погулять хочется. Я-то выгляжу вполне здоровым, вроде бы откинуть тапки в ближайшее время не собираюсь... Эти муки выбора были написаны на его породистом лице большими буквами. Наконец, победила гульба.

— Воля твоя, Пётр Алексеевич. Я же раб твой верный всё исполню, как велено, — и он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я же соскочил с кровати и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке.

Было душно, и от духоты да от перенесённой недавно истерики начала болеть голова. Болела она не так, как в то время, когда я катался по полу, стена от невыносимой боли, но довольно ощутимо, чтобы доставить определённый дискомфорт.

Подойдя к окну, решительно его распахнул, впуская в комнату холодный зимний воздух. Сам встал недалеко от окна, чтобы ветром меня не слишком задевало — не хватало ещё простудиться. Как тут лечат - лучше сразу идти и самому могилку себе выкапывать.

Порыв ветра всколыхнул шторм и обдал меня холодом. Обхватив себя руками за плечи, я поёжился, но в голове заметно прояснилось, хотя меня уже начинала подбешивать тормознутость мозговых процессов юного императора. Я-то привык думать совсем с другими скоростями. Пётр же, похоже, не привык думать вообще. Но, он же император, мать его! Так же нельзя...

— Что вы делать, ваше величество?! — я резко обернулся и посмотрел на высокого, довольно плотного господина, одетого по последней моде, и в высоком парике.

Глядя на его парик, я почувствовал, что меня начинает подташнивать от этого предмета. Судя по акценту, господин явно иностранец, а ожидаю я прибытия только одного иностранца — Лестока. Ну, здравствуй, шпион Шетарди. Или сейчас во франкском посольстве не Шетарди сидит? Как же плохо быть не в теме. Но господин Лесток ждёт от меня ответа, так что нужно что-то говорить, а не молча таращиться на него.

— Проветриваю комнату, господин медикус, а на что это ещё похоже? — я кивнул на раскрытое окно.

— Зачем? Ви же нагонять много болезней через этот жуткий мороз, — он действительно выглядел растерянным. Не привык, видать, бедняга к шизующим императорам.

Ничего, или привыкнешь, или домой поедешь, вместе с Шетарди, или кто там в посольстве сейчас рулит. Ну, или вместе с Шетарди на охоту пойдёте на медведя с одними рогатинами, а там как знать, охота опасная, может и трагично закончится, но с кем не бывает?

А так как Франции ссориться с набирающей силу после победы деда над шведами Россией не с руки, они быстро утрутся и найдут вам замену. Свято место, как известно, пусто не бывает, а вы не настолько большие шишки, чтобы ради вас рисковать испортить отношения. В это время войны и из-за меньшего случались, чем необоснованная предьява. Я что, всех медведей у себя лично контролировать должен?

— У меня сильно заболела голова после приступа, а холодный воздух отпугнул боль, — я совершенно искренне попытался объяснить ему, зачем мне понадобилось выстужать комнату. — Здесь очень душно, наверное, истопники сегодня перестарались.

— Это не допустимо, ваше величество, — Лесток прошёл через комнату мимо меня, и решительно захлопнул окно. — Это антинаучно!

Ну конечно, наука прежде всего. Это я могу понять, сам жизнью ради науки пожертвовал, вот только в ваших устах, господин хороший, это звучит как минимум странно.

Отвернувшись, я подошёл к кровати. Подобрал с пола камзол, набросил его себе на плечи. Лесток же тем временем, проверив, насколько тщательно закрыто окно, направился ко мне.

— Ваше величество, расскажите, что с вами произошло? — он хорошо говорил по-русски, вот этого у него было не отнять. Я покосился на лейб-медика Елизаветы и промолчал. — Ваше величество, не будьте ребёнком. Её высочество очень переживает. Боится, как бы в вас болезнь Петра Алексеевича не проснулась.

— Я почувствовал головокружение в церкви и упал в беспамятство. Но там было слишком людно и слишком пахло ладаном и горелым воском. Меня не била падучая, если ты об этом спрашиваешь. Так что царевна Елизавета зря волнуется. Я много думаю о Наталии, сестре моей бедной, и мне плохо через это. Но это пройдёт, — я махнул рукой. — Отмолю прощение у сестрёнки, и точно всё пройдёт.

— Хм, — Лесток подошёл ещё ближе и бесцеремонно схватил меня за руку. Нашупав пульс, он на минуту закатил глаза к потолку. — Покажите мне свой язык, ваше величество.

— А-а-а, — я послушно показал ему язык, Лесток покивал с важным видом, опустил руку. — Ну что же. Я не вижу в вас признаков болезней, вы на редкость здоровый молодой господин, государ. — Он что-то прикинул и с некоторым сомнением произнёс. — Может, кровопускание? Чтобы дурную кровь отвести?

— Нет, — я решительно покачал головой. — Не нужно мне кровь пускать, всё же нормально.

— Как будет приказано вашим величеством, — Лесток изобразил сложный поклон, и попятился к двери. — Но окно я вам как лейб-медик отворять запрещаю.

— Конечно-конечно, всё будет исполнено, как доктор прописал, — я благосклонно ему улыбнулся, но как только дверь за пронырливым французом закрылась, улыбка сползла с моего лица.

Я подошёл к окну, снова распахнул его настежь, а сам сел за стол и принялся выводить письмо Голицину с просьбой прислать мне полный отчёт по поводу царской казны. Чтобы попытаться изменить пункты в моём списке под номером один и два, необходимы деньги, очень много денег, а что-то мне говорит, что денег в казне нет вообще.

Глава 2

Первым указом, написанным с моих слов и подписанным собственноручно, стал указ о соблюдении глубокого траура по великой княжне Наталии Алексеевне в течение месяца. На это время были запрещены все увеселительные мероприятия, такие как: народные гуляния для простого народа, и разные балы и ассамблеи для господ побогаче и познатнее. Указ вызвал определённое недовольство среди аристократии, а простому люду было пофигу.

Понятия не имею, издавался ли такой приказ Петром Вторым в действительности. Даже если и не было, история проглотила этот финт не поморщившись, потому что он ни на что на самом деле не влиял. К тому же двор очень быстро нашёл себе альтернативу: многие аристократы начали устраивать званые обеды, плавно переходящие в нечто, напоминающее литературные вечера — когда под предлогом почитать вслух свои, в большинстве случаев дурные стихи, все любители поразвлечься собирались у кого-то одного, дабы послушать эти шедевры.

Ну а что, все приличия были как бы соблюдены: гости одеты были в тёмное, музыки, танцев и большого количества спиртного не было, какие претензии? Вот только с удвоенной силой стал звучать шепоток, что я де ненавижу все начинания деда и пытаюсь загубить их на корню.

Услышав это, я долго сидел в прострации — это было в известной мне истории, чёрт возьми! Всё, что известно о Петре Втором — он всячески пытался искоренить начинания Петра Первого. А ведь я и пальцем для этого не пошевелил, всего-то обеспечил себе видимость уединения, чтобы в тишине и спокойствии разобраться в моём не слишком радужном положении. И так Ванька Долгорукий начал выражать сомнения по поводу моего нежелания кутить. Как оказалось, эти... очень нехорошие люди имели привычку завалиться с парочкой преображенцев к кому-нибудь, якобы в гости. Там они гуляли по полной, оставляя за собой кроме разломанной мебели ещё и очень недовольных царём и его ближниками подданных. Растить недовольство я не мог, поэтому через неделю моего добровольного заточения родился очередной указ.

Согласно этому указу, император, то есть я, собственной персоной, дабы не смущать своим присутствием двор во время траура, удалялся в деревню, в дальнее имение, дабы провести время в молитвах, чтобы заглушить горе от потери любимой сестры. От поездки на богомолье по святым местам меня отговорили, потому что действительно зима, и кто знает, что во время долгой поездки со мной могло произойти.

В моём уединении меня должен будет сопровождать только Остерман, чтобы не прерывать обучение, хотя все прекрасно знали, как именно учится император и чему обучает его Остерман. Но так значилось в указе, который Верховный тайный совет проглотил, даже не поморщившись. Им вообще было наплевать, где в данный момент я нахожусь, лишь бы был жив и мог подписать подсовываемые тем же Остерманом документы. Сам же Андрей Иванович расположением Совета не слишком пользовался, к нему относились скорее настороженно, потому что все помнили, кто именно способствовал падению с небывалых высот Меншикова.

Так что моя поездка, да ещё и со старым лисом — это же просто праздник какой-то. А нет меня поблизости, так не беда, вон Ванька Долгорукий прекрасно мою подпись умеет изображать, не подкапаешься. На особо важных документах подделку ставить поостерегутся, а вот на не слишком важных — это запросто, не раз уже такое проворачивали, почему бы и не повторить пару разков?

«В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!» Нет, в Саратов я, разумеется, не поехал, а вот то, что к тётке — так это прямо не в бровь, а в глаз оказалось. Деревней, в которую я подался,

было Царское село, которое всё ещё по старинке называлось Сарской мызой и принадлежало оно Елизавете Петровне.

Встречаться с Лизой мне не хотелось, хватило тех двух с половиной раз, во время которых она проверяла насколько хорошо натянут поводок. Елизавета то демонстрировала свои прелести: такой глубокий реверанс мало кто мог изобразить, зато я смог увидеть всё, что находится у неё в платье вплоть до талии. То она как бы невзначай прижималась ко мне грудью, что-то говоря при этом томным шёпотом с лёгкой хрипотцой.

Если честно, то иногда меня даже пронимало, как говорится. Я все положенные полчаса наших встреч тупо пялился на неё телячьими глазами, только что слюни не пускал, а потом, чтобы привести мысли в порядок, долго держал голову в холодной воде, постоянно гадая: эта дрянь совратила своего малолетнего племянника или всё-таки нет?

Ко мне пару раз ещё наведывался Лесток, через которого я и намекнул, что двора в имение Лизы не будет, и Пётр едет туда практически в одиночестве. Сказано это было вскользь, для того, чтобы он передал эту последнюю сплетню царевне.

Лесток меня не подвёл, молодец! Всё было передано Елизавете в течение ближайшего часа после того, как он от меня ушёл. Она-то уже приготовилась принимать императора и устраивать всевозможные увеселения. Ну не мог я в её понимании столько времени отказываться от привычных для Петра кутежей и обязательной охоты, сколько бы трауров не было объявлено.

Так что, как только огласили указ, Лиза расцвела и даже принялась узнавать, кто именно составит императору компанию, кроме неё самой, разумеется, короче, раскатала губу, но обломила, как и все остальные жаждущие оказаться рядом с юным царём в такое удобное, как им казалось, время.

Передумала Лиза ехать в родное имение раньше, чем туда отбыл горевать я, потому что чёрное ей не шло, и надевать глубокий траур даже ради «любимого» племянника она вовсе не собиралась.

Вообще за ту неделю, что я прятался ото всех в Кремле, мне удалось выяснить потрясающую в своей охренительности новость — я единственный Романов, самый что ни на есть настоящий, оставшийся в живых. Других не было. Лизка — даже не в законном браке была рождена, Пётр уже после её рождения на своей «прачке чухонской» женился, разведясь предварительно с моей бабкой. А розовощёкий карапуз, портретиком которого мне нужно было положенное время восхищаться — Карл Петер Ульрих, тот, который должен будет стать следующим Петром, третьим, то есть, носил непрониосимую фамилию Гольштейн-Готторпский.

Признаться, об этом факте я не знал, и глубоко задумался на тему, а когда действительно прервался род Романовых? Получается, что на мне он и прервётся, если я не придумаю, как обойти принцип Новикова, который действовал вопреки всему, что я пытался организовать, делая пока только робкие попытки, хоть что-то изменить.

Обо всём этом я думал, пока ехал в Царское село. Дорога была долгой, потому что прямую дорогу, которую начал строить Пётр Первый, по какой-то, видимо, очень важной причине делать прекратили, и мне оставался только кружной путь мимо Великого Новгорода. Что существенно увеличивало время в пути. Путь и так занимал несколько дней, и увеличивался до недели — это в том случае, если дороги были хорошими и ничего путешественников на этих дорогах не тормозило.

Вот! Вот чем я займусь в первую очередь! Дорогами! Если выживу, естественно. Потому что поступление информации вовремя и в кратчайшие сроки из точки А в точку Б порой играет первостепенную роль в любом начинании.

Откинувшись на спинку сиденья, я прикрыл глаза и, чтобы хоть чем-то заняться, начал вспоминать всё, что помнил о строительстве дорог. Предмет не был для меня профилирующим, но какие-то знания всё равно осели глубоко на дно памяти. Ещё бы каким-то способом

почту национализировать, а то мысль о том, что она полностью принадлежит немцам, была какой-то... неправильной, что ли.

Вот так и происходят революции — с захвата почты, телеграфа и телефона, — с такими бессвязными мыслями, крутящимися в голове, я начинал дремать, усыпляемый мерным покачиванием кареты.

Карета стояла на полозьях, этакие сани с крышей, богатым убранством и печкой внутри. Серьёзно, в карете стояла печка, чем-то напоминающая буржуйку. За ней нужно было постоянно следить, чтобы она не опрокинулась и не сожгла пассажиров к чертям собачьим. Для этого в карете, кроме меня и Остермана, постоянно находился специальный мальчишка, следящий за печью, ну и выполняющий мелкие поручения высокопоставленных особ не без этого.

Со мной ехали две роты гвардейцев Преображенского полка, несколько слуг, Остерман, да ещё духовник, приставленный Феофаном к моей персоне. Ну, не могу же я без духовника молиться на самом-то деле. Вообще-то ещё как могу, и первая моя победа заключалась именно в том, что я отстоял свою независимость в уединении.

То, что на улице стояла зима, помогло мне в этом, прямо скажем, нелёгком деле. Наличие специального мальчишки в карете исключало возможность ехать в ней ещё и духовнику. Ну не влезал он, что теперь поделывать? Не Остермана же на улицу выбрасывать. Вот это точно будет не слишком здравой идеей. Андрей Иванович при желании мог испортить жизнь не только Меншикову, но и мне самому, а я пока почти не обладал властью, чтобы противостоять хоть кому-нибудь из Верховного Тайного Совета.

Пока только можно было лавировать. Потому что тут и Лизка хвостом метёт, и Петер Ульрих где-то подрастает. В общем, претендентов на престол хватает, чтобы ранний апоплексический удар государю табакеркой организовать. К тому же преображенцы практически полностью подчинены Долгоруким. И как мне их безболезненно отделить друг от друга, я пока не представляю. Поэтому я банально сбежал, чтобы не наворотить дел и не сократить и так слишком малый отмеренный мне срок, потому что вот так менять историю как-то не слишком хочется.

Чем же я собирался заниматься в Царском Селе на самом деле? Не оплакивать Наталию, это точно. Возможно, для Петра Второго она значила много, не даром же никто особо не удивился этому отъезду, но я эту девочку не знал, и, хотя и сожалел о её такой ранней смерти, предаваться унынию не собирался. Мне бы за ней вскорости не отправиться — вот о чём я думал в первую очередь.

Так что цели моего отъезда были не настолько благими, но какие-то цели, кроме банального бегства, я всё же преследовал. Во-первых, мне необходимо было дистанцироваться от Ивана Долгорукого. Хотя бы под таким вот надуманным предлогом, а дальше будем посмотреть.

Во-вторых, мне нужно было научиться разговаривать. Да-да, русский язык, вроде бы мой родной, но не слишком-то мне давался. Он был тяжеловесным, избыточным различными выражениями, которые я лично считал лишними, и которые вполне можно было опустить, но вот только опускать их категорически не рекомендовалось.

И хорошо ещё, что приходилось учиться говорить именно по-русски. Ведь спустя всего лишь полвека аристократы вообще перестанут изъясняться на родном языке. Ну, это-то как раз понятно: больше бы правителей было на российском престоле с непроизносимыми немецкими фамилиями, глядишь, вообще бы Россией называться перестали.

Так что, Пётр Романов, лучше помолчи и поблагодари объект за то, что не закинул тебя куда-нибудь, где твои знания технических иностранных ну очень сильно быгодились. Остермана же я взял с собой именно за то, что Андрей Иванович, в связи со своим происхождением, отвратительно изъяснялся на великом и могучем, и вряд ли мог ткнуть пальцем в меня и завопить: «А царь-то у нас не настоящий!»

Правда, Остерман попробовал сказать больным, как только до него донесли текст указа, уж не помню, что у него обострилось: подагра или мигрень. Но я с грустной улыбкой, которую полдня репетировал перед зеркалом, сказал своему тогда ещё официальному наставнику, что прикажу перевозить его на носилках и буду собственноручно ухаживать за больным другом, только бы он не бросал меня в минуту трудную, во время скорби безмерной по сестрице Наташеньке.

Андрей Иванович выздоровел после этого не мгновенно, конечно же, но уже на третий день, когда мы садились в карету, передвигался хоть и с помощью трости, но вполне самостоятельно, отвергнув идею перетаскивать его как бревно на носилках.

В общем, десятого декабря 1728 года императорский поезд, поражающий воображение своей скудностью, весь увитый траурными чёрными лентами, тронулся из Москвы, к тому времени уже практически снова ставшей столицей Российской Империи, в Царское Село, что раскинулось под славным деяниями деда Петербургом.

Дорога заняла без малого восемь дней, и это с учётом того, что ехали мы зимой, и снег закрыл все основные прелести просёлочной дороги этого нелёгкого времени. Полозья императорских саней скользили легко, а лошадей мне предоставляли по первому свистку и только самых лучших. Вот только время дневное было зимой весьма ограничено. Хотя я и настаивал на том, чтобы начинать двигаться ещё до того, как полностью рассветёт, и останавливаться на ночлег уже когда на небе начинала светить луна, декабрь всё равно сильно повлиял на продолжительность движения, увеличив и без того длинную дорогу.

И всё же, несмотря на определённые трудности, мы, наверное, смогли бы доехать и быстрее, но, когда уже подъезжали к Великому Новгороду, налетела пурга. К двум часам дня ветер усилился настолько, что не было ничего видно в пределах пяти шагов. Я с тревогой смотрел в окно, но сам не решался остановить наш поезд, полагая, что те люди, которые меня везут и охраняют, знают, что делают.

Карета остановилась. Дверь распахнулась, и в её натопленное, жаркое нутро ворвался колючий холодный ветер. Сквозь пелену разыгравшейся не на шутку метели проступил силуэт офицера, с трудом удерживающего шляпу на голове, которую так и норовил с него сорвать, подхватить и унести в неведомые дали завывающий диким зверем ветер.

«Нужно форму менять, а то у меня так пол армии сдохнет от банальной простуды в угоду моде и красоте. И в первую очередь эти идиотские треуголки убрать и заменить нормальными шапками», — промелькнувшая в голове мысль засела в ней занозой и постоянно напоминала о себе всё то время, пока я разглядывал борющегося с ветром офицера.

— Камер-юнкер Высочайшего двора граф Бутурлин, — проорал офицер, пытаюсь перекричать ветер. — Государь Пётр Алексеевич, необходимо остановиться, пока буря не утихнет! А то лошадей погубим и сами сгинем, весной поди косточки наши и найдут оттаявшие.

— Где? — мне тоже пришлось кричать ему в ответ. — В чистом поле?

— Здесь недалеко моё отческое имение расположено, даже не надо Новгород проезжать. Христом богом прошу, государь Пётр Алексеевич, принять моё гостеприимство и переждать непогоду под сенью моего отчего дома!

— Как далеко имение?!

— Пара вёрст, государь! Прорвёмся. Я покажу дорогу, не извольте сомневаться! Ещё совсем пацанёнком был, когда здесь всю округу облазал, не заплутаю, вот вам крест! — ветер всё нарастал, и я услышал, или мне почудилось, что где-то там невдалеке к вою метели присоединился слаженный волчий вой.

Решение нужно было принимать немедленно. Но Бутурлин... Снова раздался волчий вой, теперь уже отчётливо слышимый, прозвучавший на этот раз значительно ближе. Чёрт с ним, я вроде пока рассориться с камер-юнкером не успел, не держит пока Александр Борисович

Бутурлин на меня зла. И он уже с трудом удерживал тяжёлую дверь кареты, которую пытался вырвать у него из рук ветер. А ведь ещё и шляпу приходилось держать.

— Поворачивай! — закричал я, и Бутурлин кивком головы дал понять, что понял, и навалился всем весом на дверь кареты, пытаясь её закрыть. Наконец ему это удалось, и карета принялась разворачиваться.

Лошади хрипели, с трудом пытаясь сопротивляться сбивающему их с ног ветру. Но мне-то ещё куда ни шло, в мой возок запряжена шестёрка, вшестером они справятся, а вот какого сейчас всадникам? Карета наклонилась так, что я едва не завалился на бок. Остерман так завалился и, грязно ругаясь по-немецки, пытался принять достойное положение, одновременно поправляя съехавший набок парик. Молодой парнишка, не старше меня, кинулся к печи, к которой был специально приставлен, чтобы не дать ей опрокинуться.

— Куда прёшь, хочешь обгореть? — в карете можно было не орать, всё и так было слышно, но мальчишка вздрогнул и уставился на меня выпуклыми голубыми глазами. Похоже, не часто высокородные господа обращали на него внимание, считая чем-то вроде мебели, а уж сам государь император и вовсе впервые увидел его. Только вот, вместо того чтобы обрадоваться высочайшему вниманию, мальчишка почему-то испугался.

— Так ведь я не хваталками же поспособствую, государь, — пролепетал он и показал большую увесистую кочергу, которую всё это время держал за спиной. Этой цельнометаллической огромной хреновиной вполне можно было кого-нибудь убить, ну или поддержать небольшую печку, чтобы она не завалилась на пол, выплеснув при этом из себя полыхающие жаром угли, и не сожгла карету изнутри.

— Ты куда смотреть, холоп? — тут же отреагировал Остерман, заметив, что он, приоткрыв рот, во все глаза смотрит на меня, и даже замахнулся тростью на непочтительного мальчишку, осмелившегося рот при мне открыть. Мальчишка привычным жестом втянул голову в плечи, и почему-то мне это сильно не понравилось.

— Ну что ты, Андрей Иванович, — я перехватил его руку с тростью и кротко улыбнулся. Остерман встрепенулся и попытался подобострастно раскланяться в ограниченном пространстве довольно вместительной, но всё же кареты. Я только головой покачал. — Не гоже срывать гнев на тварях, не могущих ответить, — я снова кротко улыбнулся, про себя думая о том, что вооружённый здоровенной кочергой парнишка ещё как мог бы ответить, если бы не привитая с детства покорность перед вышестоящими. — Сестрица моя Наталия не одобрила бы, — я отпустил его руку и снова повернулся к съёжившемуся мальчишке. Пускай Остерман думает, что у меня слегка крыша съехала на почве горя, так даже лучше, пока во всяком случае. — Как тебя звать, отрок? — я прочувствовал, как это звучит в устах четырнадцатилетнего пацана и едва не заржал, но сдержался.

— Меня-то? — удивление мальчишки было настолько велико, что мне даже стало неловко.

— Тебя-то, как меня звать-величать, я разумею. Так же как и Андрея Ивановича.

— Митька, — ответил пацан, продолжая пожирать меня преданным взглядом. Карету качнуло, и он на секунду отвлёкся, чтобы своей огромной кочергой придержать печь. Я прищурился. А пацан-то сильный, я и поднять эту бандуру вряд ли смогу, а он вон как ловко ею орудует. Хотя я силушкой не обделён, проверил уже, когда едва шкаф с книгами не опрокинул. Удержал, убедившись заодно, что силен не по годам.

— Митька, а по батюшке?

— Ивана Кузина сын, — ещё тише произнёс пацан.

— Дмитрий Кузин, значит, — я задумчиво смотрел на него. — Ты холоп царев?

— Не-а, — он швыркнул носом и вытер его рукавом не слишком чистой рубахи. — Государем Петром Алексеечем, вашим дедом, значит, весь род Кузиных освобождён из холопов.

Мы даже грамоту имеем. За службы государеву даже денюжку получаем. По пяти копеек за полную седмицу, ну и рупь на праздники большие, это как велено.

— Понятно, — я всё ещё продолжал смотреть на него. — Вот что, Дмитрий свет Иванович Кузин, я желаю видеть тебя подле себя в своих палатах. Будешь моим личным слугой, — повернулся к Остерману и попытался покачать права. — Андрей Иванович, оформишь как положено, чтобы в челядь мою личную этого отрока перевели.

— Зачем вам это, государ? — Остерман скривился, глядя на смотрящего с недоверием Кузина.

— Потому что я так хочу, — я прищурился, а Остерман наоборот расслабился, увидев своего самодурствующего господина в том качестве, в котором привык его видеть.

Он кивнул, и снова закрыл глаза, приготовившись дремать дальше, тем более, что карету больше не раскачивало, и, несмотря на то, что творилось снаружи, здесь непогода практически не ощущалась. Я же рассматривал своё первое приобретение и думал, а на кой чёрт он мне всё-таки сдался? Я не помню ни одной выдающейся личности этого времени по фамилии Кузин. Да и хрен с ним. Одно я знаю совершенно точно, этот пацан, который так внезапно возвысился, будет предан мне и только мне до самого гроба, неважно чьего, надеюсь, что всё-таки не моего.

Карета ещё раз качнулась и остановилась. На этот раз дверь открывалась ещё дольше: ветер прижал её и не собирался уступать каким-то людишкам, осмелившимся бросить вызов стихии. Наконец, распахнувшись под напором троих людей и подхваченная ветром, впечаталась в стенку кареты с такой силой, что я невольно представил, какую вмятину она там оставила. В проёме снова появился Бутурлин и проорал:

— Приехали, с божьей помощью! Разрешите помочь вам выйти, государь?! — ну, почему бы и не разрешить?

Я схватил протянутую руку и прыгнул, сразу же попав в вихрь снега, забившего мне рот, нос и не дающего ничего рассмотреть. Бутурлин потащил меня куда-то, и я просто перебирал ногами, стараясь не слишком отставать, потому что у меня сложилось стойкое впечатление, что я точно заблужусь прямо посреди этого двора, если отпущу сильную мозолистую руку своего провожатого. Да, графья здесь явно не были белоручками, хоть и надевали эти идиотские парики, которые я лично сожгу, при условии, что выживу. Ну а что? Дед бороды рубил, а я парики буду жечь, каждый правитель имеет право на маленькие слабости.

Последний порыв ветра швырнул мне в лицо пригоршню колючего снега, и тут я перешагнул порог, за которым меня встретили тепло и полное безветрие. Подняв руку, я вытер лицо, убирая с него последствия бури, и только после этого огляделся.

Ну, на дворец имение графа Бутурлина походило мало. Сюда пока ещё не дошла мода на пышные усадьбы а-ля Кусково. Я стоял посреди небольшого холла, очень уютного и тёплого. Тёплого не в смысле, что его хорошо отапливали, а в смысле, что в нём было приятно находиться.

Прямо напротив того места, где я стоял, располагалась большая лестница, ведущая на второй этаж. Вправо и влево уходили длинные коридоры. Подняв взгляд на верх лестницы, отметил, что стены были просто хорошо побелены. Никакой лепнины, позолоты и других излишеств не наблюдалось.

— Позвольте проводить вас в комнату, государь, где вы сможете отдохнуть, — я посмотрел на открытое лицо денщика моего деда и думал о том, что о нём говорили при дворе.

Вообще-то я умел слушать и анализировать услышанное, а челядь вовсю болтала, что царевна Лизавета отдала свою любовь статному графу, и, опять-таки по слухам, не только платоническую любовь, но и кое-что большее.

Я смотрел, не мигая, на любовника своей тётки и пытался решить, что же мне с ним всё-таки делать? Насколько я помню, Пётр Второй сослал его куда-то служить, в тьму тараканью, подавившись ревности, но я-то с ним отношений не портил. Он же стоял передо мной, мало-

летним придурком, являющимся его императором, практически навтыжку, и не шевелился, ожидая ответа. Мои размышления прервали причитания Остермана о скрутившем его ревматизме. Внезапно я осознал, насколько сильно замёрз.

— А не сообразить ли нам баньку, Александр Борисович? Я вельми замёрз, что пёс шелудивый, — старательно проговаривая слова, обратился я к Бутурлину. Тот вздрогнул, словно я брякнул нечто, не укладывающееся в его голове, но затем встрепенулся и даже улыбнулся уголками крупного рта.

— Как будет угодно, государю. Эй, Михайло, ты где, пёсий сын?! — заорал он, кого-то призывая к себе. — Я распоряжусь, а вы пока всё же пройдите в спальню, государь. Не в дверях же баньку ждать будем.

Запретив ехать со мной Долгоруким, я волей-неволей согласился на камер-юнкеров, которые числились в свите Елизаветы и были закреплены за дворцом в Царском Селе. Кроме Бутурлина, меня сопровождали два Шувалова: Пётр и Александр Ивановичи. Как мне было известно, братья были погодками и приняли активное участие в возведении Лизки на трон. Оттуда получили титулы графьев и много вкусных печенек. Но это случится больше чем через десять лет.

Смогу ли я повлиять на них сейчас? Ведь они ещё совсем молоды — чуть старше меня самого: одному восемнадцать, а другому девятнадцать годков всего. Чтобы сломать эту чертову систему, мне во что бы то ни стало нужно было отодвинуть от себя Долгоруких. Возможно, если не будет той помолвки с Екатериной Долгорукой, и всё остальное свернёт с неповоротливых рельс истории?

— Александр Борисович, — перед тем как подняться наверх, окликнул я Бутурлина. Он развернулся и посмотрел на меня, словно ожидая, что я вот-вот прикажу не организовывать никакой бани. Ну уж нет, я действительно замёрз, а эта чёртова форма вообще ни черта не греет. — Александр Борисович, я надеюсь, что банька у тебя вместительная? Не по нраву мне одному-то париться. Поди, места для всех камер-юнкеров хватит. Ежели не ошибаюсь, трое вас разделить со мной мою печаль поехали? — он медленно кивнул, я же направился наверх, чтобы подумать, каким именно образом разговорить и самого Бутурлина, и Шуваловых. Надо пользоваться любой подвернувшейся возможностью обрасти соратниками, иначе ничего хорошего у меня не выйдет.

Глава 3

Подъезжая к Царскому Селу, я ожидал увидеть то, что помнил, как Екатерининский дворец, во всем его великолепии, но меня ждало большое разочарование. Нет, дворец был, и построен он был относительно недавно: можно сказать, что в воздухе еще витал запах краски, и он оказался даже довольно просторным, двухэтажным, аж на шестнадцать светлиц. Вот только если бы со мной действительно потащился весь двор, то спать многим кавалерам, да и дамам (я всегда был за относительное равенство полов), пришлось бы на конюшне или в свинарнике, в зависимости от табеля о рангах и моего личного расположения.

О чём только думала Елизавета, когда предположила, что её имение (а чем-то большим, чем простое имение, это будущее великолепие не назовешь) сможет принять всех желающих сопровождать императора, если бы я им это позволил? Да ни о чём она, похоже, не думала, кроме того, что наберёт этой нелепостью бонусные очки в незримой борьбе, которая всегда велась вокруг трона любого правителя.

Но Елизавета особым умом не блистала. Она была хитрой интриганкой, но не семи пядей во лбу. В мамашу пошла не иначе, хотя её родительницу, которую Меншиков так удачно подложил под деда, и интриганкой-то назвать было сложно. Интриганом был сам Александр Данилович, а Марта Крузе - всего лишь красивым трофеем, приглянувшимся русскому царю. Знал бы кто, что эта латышская прачка когда-нибудь станет императрицей...

— Вы действительно хотите здесь держаться три месяц, государ? — Остерман смотрел на «дворец» с таким ужасом, словно ему как раз место в свинарнике досталось, и я об этом ему только что торжественно объявил.

А, ну да, мы же здесь практически отрезаны от мира. Как этот интриган сможет прожить без ежедневных интриг? Смартфонов почему-то ещё не придумали, вот Андрей Иванович и переживает шибко: как же там Верховный Тайный Совет без него, не заскучает ли?

Но я рассудил, забирая вице-канцлера, отвечающего у меня за внешнюю политику, что за три месяца зимы в плане дипломатии всё равно ничего не изменится. Зимой дипломатия замерзает, впадает в спячку, так что Остерману оставались интриги российского двора, а их было немало. Вот от интриг пускай и отдохнёт, горемычный, а то опять то ли с мигренью, то ли с подагрой свалится в самый неподходящий момент. Здесь же свежий воздух и парное молочко, и, самое главное, никаких политических друзей или врагов, чем не курорт?

— Да, Андрей Иванович, вы совершенно правы: три месяца и ни минутой меньше, — сказав это, я пошёл бодрым шагом ко входу в основное здание.

Никакой бодрости при этом я не чувствовал, потому что сопровождение моё было, мягко говоря, не слишком надёжным. Шуваловы в баньке у Бутурлина так и не раскрылись, отвечали на вопросы односложно и дико стеснялись нашей совместной наготы. Если бы не сам Бутурлин, то никакого удовлетворения мне эта спонтанная баня не принесла бы.

Вот самого Александра Борисовича я, пожалуй, придержу подле себя. Возможно, не сразу, но удастся его приручить. Он мне показался весьма умным, целеустремленным и не обделенным здоровым карьеризмом. Привлекало меня в его обществе ещё и то, что они с Иваном Долгоруким терпеть друг друга не могли.

Так что у меня есть три месяца, чтобы как-то попытаться наладить с графом контакт. А вот от Шуваловых нужно в ближайшем будущем избавиться. Они слишком преданы Елизавете. Не исключено, что влюблены в мою довольно привлекательную тётку со всем пылом юности. К тому же их не только приблизили, но и одарили невиданными прежде милостями в виде придворных должностей.

Нет, возможно, чуть позже, когда пройдёт это бездумное восхищение Лизкой, с ними можно будет поработать, но не сейчас. Сейчас я от этих парней максимум что могу получить — это удар в спину.

— Государь, куда прикажете Митьку турнуть? — вопрос был задан зычным голосом и прозвучал так неожиданно, что я невольно вздрогнул, а сердце совершило небольшой кульбит в груди. Ну нельзя же так людей пугать, особенно императоров!

Когда сердце немного успокоилось, я повернулся на голос и увидел слугу в ливрее, которого уже замечал в своих покоях в Кремле. Он выполнял всю работу при моей особе и, похоже, был одним из личных и приближенных слуг, только вот я так и не удосужился узнать, как его зовут. И чем больше проходило времени с момента того несчастного случая в лаборатории, тем меньше информации поступало ко мне от изначального хозяина этого тела. Словно остаточная память исчерпала себя, и дальше мне приходилось выкручиваться уже самому.

Впрочем, не исключено, что Пётр понятия не имел, как звали этого слугу, и я больше себя накручиваю. Но он стоял рядом и ждал ответа, а я не знал, что именно отвечать, потому что до сих пор не понимал, зачем я вообще этого Дмитрия Кузина к себе приблизил.

— С собой возьми, — наконец я принял решение. — Покажи, как одежду разложить правильно, пускай учится, — я отвернулся и снова начал осматривать фасад дворца.

Погода была ясная, солнечная, и снег искрился и переливался, добавляя и дому, и парку некое застывшее очарование. Мне всегда нравился Екатерининский дворец. Когда я бывал в Питере, всегда, в обязательном порядке, ездил сюда.

Мне нравилось просто бродить по комнатам и переходам дворца, по его великолепному парку. Если бы не обстоятельства, я бы обязательно изыскал средства, чтобы воссоздать его, нашёл бы архитектора, воспроизвёл некоторые вещи по памяти...

Как только я подумал про это, сразу же прикусил губу. Что это, если не принцип Новикова в полноте своей зло... Спокойно, Пётр Алексеевич, спокойно. Ты учёный, ты физик, а работа в государственных структурах научила тебя считать деньги. Так что ты можешь много хорошего привнести в этот мир, только этот год переживи, и можешь начинать строительство. Сжав кулаки, я поспешил зайти в дом, который язык не поворачивается назвать дворцом.

Пока разбирали мои вещи и безымянный лакей учил этому нелёгкому делу Митьку, периодически покрикивая на него, если тот делал что-то неправильно, я решил не мешать людям работать и пошёл болтаться по самому первому варианту Екатерининского дворца.

Комнаты были однотипными, столовая не слишком большая, а бальный зал я бы даже назвал убогим. Вот кабинет мне понравился. Он располагался на первом этаже, и прямо из него можно было попасть в сад через французское окно, на случай зимы плотно занавешенное.

Кроме французского, присутствовало ещё и простое окно: огромное, с широченным подоконником, на котором, наверное, было удобно сидеть с книжкой, поглядывая на парк. Мебель очень консервативная и функциональная. Всё строго и навевает на рабочий лад. Пройдя мимо стола, я провёл рукой по крышке, наслаждаясь прекрасной работой и текстурой. Шикарное дерево, как и всё, что было из него сделано.

Почему-то вспомнилось выражение лица Остермана на мой отказ заниматься науками. Он отнёсся к моему демаршу прямо-таки с библейским смирением, видимо, подобные закидоны были не впервые, и не удивляли моего наставника. Вот только меня сильно удивляло то, что он не настаивал, идя на поводу у юнца, даже не пытаясь того хоть как-то переубедить.

Но, с другой стороны, прочитав расписание занятий, где большую часть времени уделялось математике в разных её видах, я только руками развёл. Ну чему меня мог научить Остерман новому в точных науках? Вот про геополитику я бы с удовольствием послушал, только такой очень нужный для молодого царя предмет почему-то не включили в образовательную программу. Неужели решили вообще меня к принятию решений не допускать? Очень даже

похоже на правду. Но здесь и сейчас я вполне могу влиять на Андрея Ивановича и заставить его начать меня учить по-настоящему и именно тем наукам, которые мне необходимы.

Хотя пока рано такими вещами шокировать опытного царедворца. Вот посидим здесь пару недель, поскучаем, тогда и можно будет подкатить. Ну а что? Государь скучать изволит, а со скуки чем только не начнешь заниматься, даже геополитикой. А там и до экономики можно докатиться.

Навалившись грудью на широкий подоконник, я тупо смотрел на заснеженный сад. Мысли в голове закончились, осталась только чёрная пустота безнадёги. Я могу попробовать изменить что угодно, вот только что делать с болезнью, которую и в моё-то время не слишком успешно могли лечить и справились с ней только благодаря вакцинации, которая начнётся лишь спустя полвека? Точнее, спустя полвека впервые опубликуются данные, прямо говорящие о том, что коровья оспа спасает от натуральной чёрной: нужно только не бояться и прививать её себе.

Пойти по пути Екатерины, которая Вторая, что ли? Насильно привить коровьей оспой какого-нибудь крестьянского мальчишку, а потом скovyрнуть у него болячку и присобачить себе? Можно же так же, как и Екатерина, заманить его на этот фортель титулом, который тот мальчишка действительно получил. А что, я же император, вполне могу кого угодно в графья произвести и деревеньку какую-нибудь подарить. И кто сказал, что Сибирь — это не часть Российской империи?

Так, стоп. А зачем мне мальчишка? Зачем привлекать ненужное внимание сомнительными для сегодняшнего дня действиями? Можно ведь поступить гораздо проще и найти корову, заражённую коровьей оспой. Тут вроде бы неподалёку скотный двор есть, не зря же я вспомнил про парное молоко для Остермана, просто мычание услышал, вот и подумалось.

Мысль мне не дал додумать до конца странный шум, раздавшийся из коридора. Я с удивлением обернулся на дверь и увидел, что она слегка приоткрылась и тут же прекратила движение. Словно кто-то пытался её открыть, а кто-то что есть силы препятствовал этому. Наконец эта безмолвная борьба прекратилась, и до меня донеслись голоса с весьма выраженными иностранными акцентами.

— А я говорю тебе, герр Миних, что Государя сейчас не время тревожить твоими досужими, назойливыми... - о, похоже, граф Миних здесь что-то потерял. А он не должен сидеть в Петербурге и на правах градоначальника заниматься его обустройством?

— Да как ты вообще можешь так говорить о делах государственного толка? — второй голос был грубоватый, и произносил он свой вопрос с некоторой натугой, из чего можно было сделать вывод, что это именно он пытается открыть дверь, а Остерман всячески ему препятствует в этом нелёгком деле.

Мне внезапно стало любопытно, кто же из этих вечных соперников в итоге победит в их противоборстве, и я с удовольствием уставился на дверь, пожалев, что не захватил с собой каких-нибудь сухариков.

— Да как ты не понимаешь: у его императорского величества горе. Го-ре! А ты... — надрывался Остерман, у которого, похоже, все признаки радикулита прошли, или чем там он в Москве маялся, отказываясь ехать на это богомолье.

— Это ты, Остерман, не понимаешь, что у меня тоже есть горе! И ещё какое горе! А горе государя можно легко заглушить работой...

— Солдафон саксонский!

— Петух гамбургский!

Так, а вот это уже совсем нехорошо, это уже дуэлью пахнет, а у обоих дуэльный опыт имеется со смертельным исходом для оппонента, один даже из-за него в Россию сбежал, чтобы под суд не попасть.

Я отлепился от подоконника и подошёл к двери, застывшей в шатком равновесии: ни туда, ни сюда. Взявшись за ручку, я с силой рванул её на себя, в который раз уже отмечая, что для подростка удивительно силён. Вот что значит постоянная охота и езда верхом.

Дверь распахнулась, и стоявшие за ней Остерман и Миних повалились на пол к моим ногам, от неожиданности выпустив ручку, в которую вцепились оба, не позволяя сопернику полноценно завладеть сим ценным объектом.

— Я, конечно, весьма ценю ваши верноподданнические выражения, но я всё-таки не падишах, и такое раболепие мне не по нраву, — покачав головой, я протянул руки, чтобы они оба ухватились, и не видели ещё и в этом причины для бахвальства и для соперничества.

— Андрей Иванович, Христофор Антонович, что же вы как дети малые? Поднимайтесь уже, голубчики, рассаживайтесь и рассказывайте, что привело к таким коллизиям, — Миних вскочил, едва коснувшись моей левой руки кончиками пальцев, лишь обозначив, что принял помощь. Остерман же ухватился за руку крепко, чуть из сустава не вырвал, зараза, но встал на ноги весьма бодро, что заставило меня в очередной раз усомниться в его болезнях: как настоящих, так и мнимых. — Так что у вас произошло, что вы такой вот потешный балаган у дверей организовали? Развеселили меня, не без этого, но меру тоже знать надобно.

— Я убедительно просил графа Миниха пощадить ваши чувства и во время траурной скорби немного отложить дела... — начал Остерман, но его перебил Миних.

— Как только я узнал, что ваше величество прибыл сюда, я сразу же велел седлать сани. Мы закончили Ладожский канал! Теперь перед вашим величеством открыта безопасная дорога к соседям, не в пример той, что шла по постоянно волнуемому Ладожскому озеру.

— Да я в курсе, — ответил я, с любопытством рассматривая Миниха.

Ладожский канал, в обход постоянно штормящему Ладожскому озеру, начали копать ещё при Екатерине, если не при деде, и построен он был весьма кстати. Этот канал существенно сократил путь к некоторым странам Европы, что практически сразу оценили купцы как наши, так и иноземные.

— Это чрезвычайно похвально, — продолжил говорить я, не отводя взгляда от Петербургского градоначальника. — И я лично благодарю тебя, Христофор Антонович, за верную службу. Извини, но орден пока не дам, траур у меня, сестрёнка любимая скончалась, упокой Господь её светлую душу.

— Благодарю, государ, но я не для орденов стараюсь. Только для страны, приютившей старого бродягу, и её императора, — пафосно произнёс Миних.

Я аж улыбнулся. Не знаю почему, но было забавно слышать, как иностранцы не могут смягчить некоторые звуки. Но, чёрт возьми, они стараются. Они действительно стараются и в конечном счёте сделали для своей второй родины гораздо больше, чем некоторые доморощенные. Это я про Долгоруковых первым делом подумал. Нет, чтобы, вон, Миниху помогать армию восстанавливать и Петербург строить, мы лучше почерк царя подделывать будем учиться. Оно же надежнее будет. А самого царя на охоту, да по бабам, чтобы вопросами лишними не задавался.

Но Миних продолжал говорить, и я заставил откинуть в сторону тяжелые пораженческие мысли и включился в беседу.

— Нужны корабли! Нужны корабли для речного флота и для морского флота! Зачем, спрашивается, я строил этот канал, если по нему в итоге не будут ходить корабли?

— Нужны, — я кивнул, откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком. Ничего нового он мне не открыл. Корабли нужны. Да, много чего нужно, но где взять деньги на все эти нужды? — Я разве спорю? А на что мы будем их строить? — задал я Миниху вполне риторический вопрос, который не требовал ответа. — Петербург высосал из казны всё, до копейки, и согласись, Христофор Антонович, это ещё не все траты на город великого деда моего!

Это была неправда, что денег совсем нет, но казна действительно находилась в плачевном состоянии. Первое, что я сделал, когда прекратил истерить — послал запрос в Верховный Тайный Совет о нашем финансовом состоянии, лично Голицыну.

На этот запрос Дмитрий Михайлович отписал мне весьма подробный отчёт, из которого я сделал вывод, что история, как и статистика — вещи весьма управляемые, и Пётр Второй, может быть, и хотел что-то сделать, но не мог из-за банальной нехватки денег.

При этом Голицын ничего не скрывал, ну а чего скрывать-то? Можно подумать, тринадцатилетний соплик что-то там в том отчёте поймёт. Ясно же как божий день: отчёт для чего-то понадобился или Остерману, или Долгорукому, а вот зачем — это пусть они между собой выясняют, авось глотки друг дружке перегрызут на радость остальным.

Но факт оставался фактом, дебет с кредитом не слишком сходились. При этом перекос шёл именно со строительства, которое, согласно этому отчёту, не прекращалось ни на минуту. Только вот новых построек я что-то не наблюдал, особенно в Москве.

А вот куда на самом деле эти деньги девались — вопрос на миллион. И этот вопрос я задал уже Головкину в письме, встречаться с ним очно мне пока было боязно. Тот тоже, скорее всего, подумает, что этот отчёт на самом деле нужен не мне, а кому-то ещё. Ну и пускай пока так думает, от меня что, убудет, если мне кого-нибудь ещё в фавориты запишут. Пущай Ванька поволнуется да высмотреть попытается, кто это на его место метит.

Я, конечно, как мог, навёл справки, но всё, что мне удалось узнать: Головкин был на ножах с Долгорукими, а так как именно он занимал место канцлера, то и ответ держать было ему. При этом в письме я настоятельно рекомендовал не озвучивать его при Верховном Тайном Совете, а действовать единолично.

Вот и узнаем, как именно Головкин воспользуется дружеским, в общем-то, советом. Ответа я пока не получил, но, подозреваю, канцлер просто не может сообразить, сколько нулей в копилку казнокрадства отписать Долгоруким и сколько уменьшить у себя. Но, как бы то ни было, точная сумма, оставшаяся в казне, была мне известна, и там точно не было средств на строительство флота — ни речного, ни морского, никакого.

— Этого не может быть, — Миних нахмурился. Он тоже умел считать деньги и не понимал, как его детище внезапно сделалось таким затратным.

— Может, ещё как может, — я пристально посмотрел в его открытое лицо, сейчас нахмуренное.

Похоже, Миних переживал искренне и если и воровал, то очень умеренно, так, что на итоговом состоянии казны это точно не отразилось. Вот тот человек, на которого я могу в случае чего положиться. Скорее всего. Но, может быть, и нет. Я понятия не имею, чью сторону занимал Миних. Он всегда был себе на уме, и о чём он думает прямо сейчас, не стоит даже и гадать. Но всё же нужно посмотреть на его реакцию. Если он справится, если я переживу этот год, если... Как много этих «если», но задел на возможное будущее необходимо создавать прямо сейчас.

— Нам нужен флот, — упрямо сжав челюсти, повторил Миних.

Он прекрасно понимал, что, с одной стороны, момент не слишком подходящий, но с другой — когда и где он мог ещё застать императора одного и в настроении «делайте, что хотите, только оставьте меня в покое», а не окружённого сворой друзей сердешных, шепчущих на ухо, что де, ну его флот, поехали лучше на охоту, и вообще кутить? Поэтому Миних решил не сворачивать с полдороги, даже, если окончательно испортит отношения с государем, и продолжил:

— Ладожскому каналу нужен флот. России нужен флот! Любой, но позарез!

— Денег нет, — так же упрямо ответил я, внезапно поняв, что, даже, если бы деньги и были, я всё равно ответил бы: «Нет, денег».

Мне очень было нужно убедиться: отступит или нет? Будет думать, как выкрутиться из ситуации, или тупо вернётся в Петербург ждать, когда на него блага со стороны государя-императора свалятся?

Мы почти минуту боролись взглядами, и я одержал свою маленькую первую победу — Миних первым отвёл глаза и задумчиво впери́л их в окно, наблюдая, как я недавно, за застывшим в искристом снежном великолепии парком. Воцарилась тишина, которую хотел было прервать Остерман, но, встретившись с моим шальным взглядом, проглотил то, что вертелось у него на языке. Наконец Миних снова перевёл взгляд на меня.

— А если... — Он запнулся, но затем решительно продолжил: — Если я изыщу деньги?

— Тогда они ваши, — я сел прямо. — Если, Христофор Антонович, ты изыщешь необходимые на строительство флота средства, то, вот тебе крест, ни одна копейка не уйдёт на сторону. Всё будет вложено в корабли. Стройте свой флот: речной, морской, да хоть «Титаник» отгрохайте, чтобы он полностью Ладожский канал собой занял, прости Господи, что вслух подумал, ни словечка против я не скажу. Вот, Андрей Иванович будет свидетелем наших с тобой договорённостей.

— Тита... Что? — Миних недоумённо переглянулся с Остерманом, который только плечами пожал.

— Да корабль огромный, чтоб как титан среди кораблей был, — вздохнув, перевёл я непонятное слово. Нужно следить за языком, хоть они и иностранцы, но тоже могут что-то заподозрить. Я же сюда как раз приехал учиться говорить, как-никак.

— Над этим, конечно, можно порассуждать на досуге, но не ко времени пока. Да и зачем такой корабль вообще нужен? — Миних расслабился и даже позволил себе развалиться в кресле. Дело было сделано, обещание, хоть и не слишком надёжное, Пётр неоднократно нарушал данное слово, получено. Раз не отказался на этот раз категорически, то в любом случае можно будет дожать, а значит, можно порассуждать на отвлечённые темы, пока не выгнали. — Скажи, государ мой, когда Витус Беринг вернётся с победой над льдами северных морей, что ты намерен будешь предпринять?

Что-что, Аляску к рукам прибрать, и никаких продаж и сдач в аренду, самим пригодится, что же ещё? Но вслух я ничего подобного не сказал, лишь развёл руками.

— Не знаю пока, Христофор Антонович. Беринг ещё не вернулся, откуда нам ведомо, что за вести он привезёт? Кабы и нет там ничего, кроме льдов непроходимых. Как вернётся, так и спросим, а там и решать будем, что с его ответами делать.

— Сие речь не мальчика, но мужа, — Миних поднял палец вверх, впервые с некоторой долей уважения посмотрев на начавшего вроде бы взрослеть императора. — Да простит меня государ император, но горе пошло тебе на пользу. Великая княжна смотрит на тебя с небес и гордится.

— Я бы очень хотел в это верить, Христофор Антонович. Очень сильно хочу в это верить, — я печально улыбнулся и повернулся к Остерману. — Андрей Иванович, а ты пошто сидишь, словно не родной? Тебе и сказать на вести Христофора Антоновича нечего, что ли?

— Я бы сказал, что ты начал взрослеть, государь Пётр Алексеевич, — Остерман отвесил мне лёгкий полупоклон. — И я от имени Верховного Тайного Совета могу выразить надежду, что по истечении глубокого траура ты намереваешься снова посещать наши заседания без различных отговорок и оглядок на кого бы то ни было? — я кивнул: почему бы и нет? Посетим, послушаем, о чём они там заседают. — Это ошчень, ошчень радостная весть.

Я заметил, что, когда Остерман волновался, его акцент звучал отчётливее. Не понятно, с чем это было связано, но запомнить данное обстоятельство не помешает: возможно, это знание мне когда-нибудь пригодится. Я повернулся к Миниху, который наблюдал за нами с расслабленной полуулыбкой.

— Христофор Антонович, если не секрет, а где ты хочешь начать поиски денег на так необходимый всем нам и Российской империи флот?

— Пока не знаю, государ. Попытаю купцов и просто заинтересованных людей... Россия богата на огромные реки, что здесь близ Балтийского моря, что в далёкой Сибири. Может быть, вы мне выделите пару человек в помощь? — Миних решил, что раз пошёл такой расклад, то можно и поборзеть. Ну а почему бы и нет? Ничего сверхъестественного он пока у меня не просит. — Чтобы стали моими ногами, которых у меня всего две, могу не успеть за всем, да были на связи между нами?

Понятно, хитрый саксонец делает всё, чтобы я от слова, почти наедине данного, не отвернул. Ну а чем больше людей будет знать о нашем договоре, да ещё и «моих» людей, пойти на попятную будет значительно труднее. Разумеется, ничего важного он выделенным мною людишкам не поручит, но само их наличие...

— Очень может быть, понадобится личная встреча с государем, — через несколько секунд добавил Миних.

— Братья Шуваловы вон без дела маются, — я махнул рукой в сторону двери. — Забирайте и располагайте. Андрей Иванович поможет бумагу составить, — я улыбнулся на этот раз почти искренне. От одной головной боли в виде Шуваловых, кажется, избавился.

Посмотрим, как оно дальше пойдёт. А вот проблемы флота и армии так и остаются пока нерешёнными, потому что такие дела с полпинка и быстро не делаются. Я пока ничего не могу изменить, что не учитывалось бы историей этого времени. Ничего! Но хотя бы я начал двигаться в нужном направлении. Только бы не ошибиться.

Глава 4

Как я и предполагал, кабинет вскоре стал моей любимой комнатой. В нём я проводил большую часть времени, пытаясь вникать в дела тяжёлого неповоротливого механизма, называемого Российская империя.

Так как дворец принадлежал Елизавете, то очень быстро я нашёл тайное отделение в столе, где хранилась личная переписка моей несравненной тётки с... вот тут я, наверное, впервые не поверил своим глазам, — с Долгорукими. Несколько писем было от Ивана, пара от его отца Алексея Григорьевича.

По этим письмам можно было выстроить хронологию их интриг. Сначала отношения были очень доверительные, и Долгорукие вовсю поощряли заигрывания Лизки со мною, во всяком случае Алексей Григорьевич. Иван был более сдержан, и по его письмам не было заметно, что все эти подковёрные игры ему по душе.

Прочитав очередное письмо, я задумался: может быть, Ванька ещё не потерян для меня? Вон как переживает, и похоже, что даже искренне. Я мотнул головой. Нет. Долгоруких нужно потихоньку вытеснить со сцены, слишком уж много они начали себе позволять.

Дальше было интереснее. Лизка связалась с Бутурлиным, и понеслось охлаждение, а всё потому, что, оказывается, граф был зятем Голицына. Так вот почему его послали со мной. Ясненько. Никто из противоборствующих партий не хотел упускать царя из виду.

И вот тут-то складывалась интересная картина: Голицыны плотно схлестнулись с Долгорукими и всячески обхаживали Лизку, бывшую в это время в фаворе. Ну ещё бы, с такими... хм... персями, да не завести четырнадцатилетнего отрока? И самое главное, между ними особняком стоял Остерман. Не слишком понятно: то ли он не может определиться с партией, то ли всем основательно надоел и мне следует ждать в ближайшем будущем основательный подкуп под моего воспитателя? Сейчас пока трудно что-то определённое сказать; поживём, как говорится, увидим.

Убрав письма обратно в тайник, я задумался, а что, если сделать эту вражду ну совершенно непримиримой? Скорее из недомолвок, чем из открытых высказываний, я понял, что Ванька к Лизке неровно дышит. И она вроде бы тоже не против высокого статного красавца. Натравить отца на сына — это же классика. Правда, паночки у меня красивой под рукой нет, зато есть тётка, обладающая весьма приличными достоинствами. Это следует как минимум обдумать.

Также я выяснил, что посланником Франции был некто Марьян, а не Шетарди. Но этот крендель ничего собой не представлял. Вот испанского посла де Лириа следовало как минимум остерегаться, но он не желал мне зла, наоборот: Испания как раз-таки желала видеть Россию сильной морской державой. Очень уж их достали англичане, и Испания просто спала и видела, как бы половчее сравить Англию с Россией. А самой тем временем беспрепятственно заниматься обогащением в Америках и на различных островах. Дело, конечно, хорошее, только вот не для нас. Так что пока де Лириа оставим на том месте, где он стоит, мне пока точно не до Англии.

В конце концов, на пятый день всех этих разборов и осторожных консультаций с Остерманом, который, как ни странно, всецело поддержал мои пока вялые попытки заняться настоящим делом, я понял, что у меня начинает течь крыша. Поэтому я временно оставил попытки разобраться с серпентарием, окружавшим меня.

Единственное, что получилось сделать, — отослать Бутурлина в Петербург под предлогом узнать, как там дела у Миниха обстоят. Ну и что, что прошло меньше недели? Вдруг старый саксонец вытащил туза из рукава и хочет меня удивить?

Отодвинув в сторону внешние дела, я попытался разобраться в российском законодательстве и основательно завяз во всех этих коллегиях и канцеляриях. Да так завяз, что, когда пытался понять, что же такое Дворцовая конюшенная канцелярия, заполучил полноценную мигрень, свалившую меня на три дня, во время которых я даже на свет не мог смотреть из-за адской головной боли.

К тому же, на второй неделе моего пребывания в этой добровольной ссылке, открылся у меня по утрам просто дикий кашель, разрывающий грудь, после приступа которого было больно дышать. А во время приступов у меня появлялось ощущение, что я выкашливаю собственные лёгкие. После каждого такого приступа я тщательно изучал платок, боясь увидеть на нём кровавые следы. Но, слава богу, крови не было, значит, чахотка, от которой умерла сестрица, меня минула.

Но это тоже было ожидаемо, всё-таки отрок Пётр много времени проводил на охоте — смотри на свежем воздухе, так что какая-то сопротивляемость организма к разным недугам у меня была. Вот только поехавший со мной медикус, прибегавший в мою спальню каждый раз, когда кто-то слышал мой дикий кашель, только руки заламывал, не зная, что со мной происходит, и всё время предлагал пустить дурную кровь. Я же посылал его, иногда даже не стеснясь озвучить конечный адрес, в перерывах между мучившими меня приступами.

Наконец до меня начало доходить, что же со мной происходит. В отличие от медикуса я догадывался, что послужило причиной моего состояния: всё очень просто - я бросил курить. Работа в лаборатории приучила меня к дисциплине, к тому же мы боялись лишний раз потревожить объект дополнительными раздражителями, типа табачного запаха, так что мне даже в голову ни разу не пришло, что можно раскурить трубочку.

Но эти лёгкие не привыкли так долго оставаться без никотина. Нет, я, конечно, догадывался, что отрок, в чьё тело меня зашвырнул объект, эксплуатировал это самое тело самым нещадным образом, но даже не мог предположить, что в таком нежном возрасте он добьётся таких поразительных успехов.

Нужно было приводить себя в порядок, если я хотел уже очень скоро противостоять грозной болезни, вот только я ни хрена не медик и понятия не имею, чем можно заменить аспирин в условиях восемнадцатого века. Единственное, что приходило на ум, это воспоминания детства и очень сладкий сироп, которым поила меня бабушка, когда я простужался, приготовленный из корня солодки.

Воспоминания включили ассоциации, которые закончились чёрными лентами, весьма специфических сладостей. Лакрица. Вот как эта сладость называлась. Про лакрицу здесь знали. И очень скоро я вытребовал себе кучу этой сладости; правда, тот лакей, который учил уму-разуму Митьку, так на меня посмотрел, когда передавал заказ, что я не вытерпел и потребовал разъяснений у Митьки, уже почти постоянно находящегося рядом со мной.

— Ну дык, это же, о-о-о...

— Это всё очень познавательно, но теперь повтори, да так, чтобы я тебя понял, — я нахмурился, глядя на покрасневшего Кузина. — И не мыкай, не бычок, которого от титьки мамкиной оторвали.

— Так ведь это ж всем известно, государь Пётр Алексеич, что лакричка-то прямо в корень уходит, как сама из корня сделана была.

— Короче.

— Дык, силу она мужскую увеличивает, государь, знамо дело.

— Тьфу, — я не удержался и сплюнул. — Вот дураки. Да на кой мне лакрица в этом деле надобна? Или ты тут девок пригожих да весёлых видишь? Всё лишь бы языком молоть, а подумать ну ни как. Ну нажрался бы я корешков сладеньких, да куда бы потом силушку мужскую девал? Повариху пошёл бы очаровывать?

— И то верно, государь, — Митька потёр лоб. — Но зачем тогда она тебе, когда столько сладостей и наших, и заморских, вон, цельные вазы.

— Ты что же правда знать хочешь? — я посмотрел на Митьку более внимательно. Тот не ответил, только снова покраснел. — Читал я тут намеренно труды грека одного. Медикус он был знатный, его до сей поры все медикусы почитают. Гиппократ сего грека звали. Так вот в трудах тех сказано было, что лакрица кашель помогает убрать. Кашляю я в последнюю седмицу дюже, прям сил уже никаких нет. Вот и решил проверить, правду ли Гиппократ этот писал, или кривду. А ты «сила мужская», — я не выдержал и хохотнул.

— И то верно, про кашель. Я ажно спать не могу, когда ты сгибаешься от этой заразы. Бегом за медикусом бегаю, — серьёзно кивнул Митька. Так вот кому я обязан своим ежедневным отказам от кровопускания — очень даже модной процедуры. — Ежели поможет лакричка, то честь ей и хвала. А вот мой батя Хипократов разных не читал, он вовсе читать был не обучен, но завсегда говорил, что при хвори грудной завсегда банька помогает, да ежели ещё кваску на каменку плеснуть, да хлебным духом подышать...

— А давай-ка проверим твоего батьку, — я и вправду уже измучился и пытался хвататься за любое здоровое предложение. А предложение бани с полезными ингаляциями было вполне разумным.

В общем, совместив традиции семейства Кузиных и вероятных трудов Гиппократа, ещё через неделю я уже не выхаркивал лёгкие, а вполне мягко откашливал остаточную мокроту по утрам. Головные боли тоже прекратились, и я решил, что выздоровел достаточно, чтобы снова начать заниматься.

Остерман, который уже на стены лез со скуки и невозможности узнать, что творится при дворе, весьма обрадовался хотя бы возобновлению наших занятий, теперь сводившихся к долгим псевдофилософским беседам, да разбору геополитических раскладов в мире.

Вместе со мной и Остерманом в Царском селе скучали две роты преображенцев. От нечего делать, их командир, которым значился Никита Юрьевич Трубецкой, затеял проводить учения, дабы сильно не расслабляться и пребывать в готовности отбить любое нападение супостатов. Я же, глядя из окна кабинета, как они маршируют, с тоской думал о том, как бы мне избавиться от преображенцев хотя бы на время. Слишком уж сильно у них всё завязано на родственных и дружеских связях.

К тому же слишком уж часто именно этот полк свергал одних императоров и сажал на трон других. Так часто, что ребята уже начали входить во вкус, и то ли ещё будет. Да и Иван Долгорукий вот так, через преданных лично ему людей, незримо даже вдалеке от меня держит руку на пульсе. Интересно, а какие у него отношения с Трубецким?

— Государь, ты меня совсем не слушаешь! — я вздрогнул и отвернулся от окна. Остерман поправлял на голове парик, глядя на меня гневно, плотно сжав губы. — Ты постоянно отвлекаешься, государь, так нельзя. — О как заговорил, а ведь совсем недавно не то чтобы поощрял, но не препятствовал моим демаршам против учёбы.

— Извини, Андрей Иванович, задумался я что-то. — Чтобы больше не отвлекаться от беседы, я отошёл от окна и сел в кресло, сложив руки на коленях, как прилежный ученик. — На чём мы остановились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.